

Китай в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)

С. Г. Лузянин*

Китай вступил в 1939 год в условиях ожесточенной войны с Японией. Китайское руководство во главе с Чан Кайши продолжало выступать за углубление и развитие советско-американо-британо-китайского сотрудничества против Японии, которая в годы Второй мировой войны оставалась главным врагом и основной угрозой китайского народа, независимости и государственности Китая.

В 1931 г. Япония оккупировала территорию Маньчжурии в Северо-восточном Китае, создав марионеточное государство — Маньчжоу-Го. В 1937 г. Токио начал широкомасштабную агрессию против Китая. В условиях разворачивающейся китайско-японской войны, СССР выступил за создание единого анти-японского фронта в Китае на базе военно-политического союза КПК и партии Гоминьдан, который был успешно создан в 1937 г. 21 августа 1937 г. СССР и Китайская Республика подписали Договор о ненападении. При подписании документа стороны обменялись устными декларациями, строго конфиденциальными и не подлежащими оглашению. Одна из этих деклараций зафиксировала договоренность сторон, что СССР не заключит с Японией договор о ненападении, пока нормальные отношения между Китаем и Японией не будут восстановлены. В 1937 г. китайские войска потерпели поражения под Шанхаем и Нанкином. В декабре 1937 года японцы захватили Нанкин и вырезали в течение двух дней до 300 тысяч человек. 17 июля 1938 г. Чан Кайши перевел местонахождение правительства в г. Ухань. СССР продолжал оказывать Китаю материально-техническую, финансовую и военную помощь. К середине февраля 1939 г.

число советских военных советников в Китае составляло 3665 человек. Советская помощь предотвратила возможность капитуляции Китая в 1937–1938 гг. В сдерживании японской агрессии важную роль играло развернувшееся в тылу врага партизанское движение, организованное китайскими коммунистами (КПК). Советско-китайское сотрудничество в этот период носило характер стратегического партнерства, отвечая национальным интересам Китая — спасению китайской государственности от японской военной агрессии¹.

Война с Японией

Чан Кайши в 1939 г. рассматривал возможность создания международной антияпонской коалиции. Одним из элементов китайской политики на советском направлении была попытка вовлечения СССР в войну с Японией. В данном контексте следует рассматривать визит гоминьдановского генерала Хэ Яоцзу в Москву. В ходе визита он должен был обсудить с высшими советскими руководителями вопрос о вступлении СССР в войну. Генерал Хэ должен был сообщить, что Китай готов в этом случае предоставить Советскому Союзу ряд льгот в Китае после войны на условиях взаимной договоренности (в частности, речь шла о портах Шаньдунского полуострова).

В Китае с напряженным вниманием наблюдали за развитием событий в Европе. Чан Кайши, как свидетельствуют документы, был очень удивлен сообщением о заключении договора СССР с Германией и, рассматривая международную обстановку с точки зрения интересов китайского государства, находившегося в состоянии войны с Японией, поручил сообщить советскому полпреду, что СССР таким образом получил большую возможность в оказании

* Сергей Геннадьевич Лузянин — д.и.н., заместитель директора ИДВ РАН, проф. МГИМО (У) МИД РФ, руководитель Центра Северо-Восточной Азии и ШОС, президент Фонда поддержки востоковедческих исследований. Автор выражает глубокую благодарность Раисе Анатольевне Мировицкой за предоставленные документы и материалы, использованные в данной статье.

помощи Китаю. Вместе с тем китайский лидер был обеспокоен возможностью улучшения отношений СССР с Японией, союзницей Германии. 31 августа 1939 г. китайский посол в Москве посетил НКВД СССР. В беседе с заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским посол сообщил, что получил инструкцию своего правительства побеседовать по некоторым вопросам. Он подчеркнул, что на Дальнем Востоке ходят слухи, что СССР предложил Японии заключить договор о ненападении, далее, а Япония предложила СССР подписать Пакт о ненападении, и что Германия и Италия советуют Японии заключить с СССР договор о ненападении. С. А. Лозовский ответил, что среди этих слухов наиболее вероятен последний, если судить по газетам. Ян Цзэ поинтересовался, если Япония действительно возбудит вопрос о заключении договора о ненападении, какая будет позиция Советского Союза. Отвечая послу, заместитель наркома подчеркнул, что сейчас трудно что-либо сказать по этому вопросу. Когда японское правительство предложит что-нибудь конкретное, тогда советское правительство обсудит и даст ответ на это предложение. Международная обстановка весьма сложная, и решения будут приниматься с учетом всего комплекса вопросов².

В первой половине 1940 г. Чан Кайши направляет ряд писем в Москву — И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову, — в которых благодарит за помощь и поддержку и просит оказывать помощь Китаю, чтобы китайский народ мог завершить дело освобождения своей родины³.

В июле 1940 г. по просьбе китайской стороны был продлен на один год договор о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже, заключенный в августе 1939 г. между китайским послом в СССР Ян Цзэ и народным комиссариатом обороны (НКО) СССР. По данным российского комитета ветеранов войны, в 1940 г. советская сторона предоставила Китаю два займа на закупку вооружения на сумму 200 млн ам. долл. Вместе с тем, целый ряд вопросов в отношениях между странами не решался или решения по ним затягивались. В их числе — вопросы о транзите через СССР вооружения для Китая, закупленного китайскими организациями в третьих странах, об авиазаводе в Урумчи и др.

16 октября 1940 г. И. В. Сталин пишет письмо Чан Кайши, в котором подчеркивает, что в сложной и противоречивой международной обстановке, по его мнению, главной задачей Китая является сохранение и укрепление китайской национальной армии. Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. «Если ваша армия будет сильна, — подчеркивал И. В. Сталин, — Китай будет незыблем»⁴.

В 1940–1941 гг. в советско-китайских отношениях на первые позиции вышли две темы: 1) укрепление единого национального фронта и 2) советско-японские переговоры.

В рамках обсуждения первой были показательны беседы советского полпреда в Китае с руководством КПК, которые состоялись 15 января 1941 г., и китайского посла в Москве Шао Лицзы с С. А. Лозовским (29 января 1941 г.), в которых затрагивалась тема сохранения единого фронта в связи с возникшими проблемами между КПК и Гоминьданом. Так, 19 октября 1940 г. китайское командование направило приказ войскам 8-й и Новой 4-й армии перебазировать части КПК на Северный берег р. Хуанхэ. 9 ноября 1940 г. Мао Цзэ-дун направил телеграмму руководству Гоминьдана, в которой возражал против переброски войск китайской красной армии (ККА). Мао подчеркивал, что армия укомплектована местным населением и неохотно покидает родные места. Гоминьдановское командование потребовало выполнения приказа. Командование ККА отдало приказ своим войскам перебазироваться на новые позиции. На прежнем месте дислокации остались лишь штабная команда. Части внезапно были атакованы японцами (провинция Аньхуй), погибло около 7 тысяч человек. КПК обвинила Гоминьдан в нарушении ее интересов и предательстве. Китай вновь оказался на пороге возобновления гражданской войны.

15 января 1941 г. состоялась беседа советского полпреда с представителем КПК Чжоу Энлаем. В беседе принимал участие В. И. Чуйков, который подчеркнул, что Чан Кайши, видимо, понял, что ни СССР, ни Англия, ни США не будут оказывать вооруженную помощь Китаю в борьбе против Японии, и решился на обострение отношений с КПК, чтобы в дальнейшем получить возможность маневра, в зависимости от позиции держав. Китайские коммунисты интересовались мнением советской стороны — не начать ли им гражданскую войну в стране, выступив против ГМД. На что советский полпред сказал: «Я считаю, что основным противником КПК в настоящее время остается Япония. Если КПК начнет активные вооруженные действия против ГМД, то это будет лишь способствовать расширению гражданской войны в Китае, что не в интересах войны сопротивления Китая. Нужно во что бы это ни стало сохранить сотрудничество. Однако это не значит, что Вы должны дать себя в обиду. Вы уже начали, как вы говорите, политическое наступление против ГМД. Вам, следовательно, необходимо продолжить его с тем, чтобы, с одной стороны, реабилитировать себя и показать широким народным массам подлинного виновника событий в южной части Аньхуй. А с другой стороны, в Вашей политике не следует ссылаться на Чан Кайши, как на организатора событий»⁵. Таким образом, советский представитель А. С. Панюшкин выступил за необходимость сохранения сотрудничества ГМД-КПК.

29 января 1941 г. китайский посол в Москве Шао Лицзы получил телеграмму от Чан Кайши, в которой предлагалось успокоить советское руководство.

Накануне 25 января в Китае состоялась встреча Чан Кайши с советским полпредом. Чан Кайши заверил полпреда, что речь не идет об общеполитическом мероприятии или смене внутривосточного курса, разоружение частей Новой 4-й армии, заверил он посла, является лишь вопросом военной дисциплины, что речь не идет о смене курса.

Обе стороны, и КПК, и ГМД были заинтересованы в контактах с советским руководством, особенно в условиях углубления конфликта между ними. 30 января 1941 г. Чан Кайши подтвердил, что речь идет о чисто военной акции, и этот конфликт не вносит изменения в контакты с дружественными странами. 4 февраля 1941 г. Г. Димитров (Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна) телеграфировал в Яньань: «Мы считаем, что разрыв не является неизбежным, наоборот, опираясь на массы, которые стоят за сохранение единого фронта, сделать все зависящее от компартии и от наших военных, чтобы избежать развертывания междоусобной войны. Просим пересмотреть Вашу позицию по этому вопросу и сообщить нам свои соображения и предложения. Димитров»⁶.

В итоге контактов и переговоров при советском посредничестве и помощи весной 1941 г. состоялась встреча Чан Кайши и Чжоу Эньлая, стороны подтвердили решимость сохранять единый фронт и бороться с Японией.

Международная обстановка в мире, включая европейские и азиатские театры действий, продолжала обостряться. СССР предпринимал очередные шаги к нейтрализации Японии. Весной 1941 г. был подписан известный Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Китайское руководство оказалось в трудном положении. Советский Союз был единственной крупной державой, поставлявшей оружие и боеприпасы Китаю, оказывал стране другую поддержку. В этих условиях гоминьдановское руководство опасалось, что эта помощь может сократиться, либо будет полностью прекращена. Одновременно, среди китайских дипломатов и журналистов обсуждалась идея возможности подписания СССР с Японией Договора о ненападении, что было еще более невыгодно Китаю.

В связи с этим 22 февраля 1941 г. С. А. Лозовский направил на имя В. М. Молотова памятную записку следующего содержания: «В связи с приездом в Москву Мацуоко (японского представителя. — С. Л.), можно ожидать, что японское правительство вновь поставит вопрос о заключении между СССР и Японией договора о ненападении. Считаю необходимым напомнить вам следующее: в статье 2-й договора о ненападении, заключенного между СССР и Китаем 21 августа 1937 г. в г. Нанкине, сказано: «Если одна из Высоких Договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Высокая договаривающаяся сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи третьей или третьим державам

в продолжении конфликта, а равно воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде стороны, подвергшейся нападению». В развитие этой статьи при подписании договора уполномоченные СССР и Китая обменялись следующей строго конфиденциальной декларацией: «Устная декларация, строго конфиденциальная и никогда не подлежащая оглашению ни официально, ни неофициально: при подписании сегодня договора о ненападении уполномоченный СССР заявляет от имени своего правительства, что СССР не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены»⁷.

Из вышеприведенных документов видно, что СССР взял на себя обязательство не заключать с Японией договор о ненападении на время войны Китая с Японией, сузив формат договоренности до пакта о нейтралитете. Несмотря на все попытки японской дипломатии, СССР не пошел на заключение с Японией Договора о ненападении. Одна из причин этого — китайские интересы, которые учитывал В. И. Сталин. Одновременно, советское руководство заверило Чан Кайши, что в советско-китайских отношениях изменений не произошло.

После заключения Пакта о нейтралитете В. М. Молотов принял китайского посла Шао Лицзы и заявил ему, что политика СССР в отношении Китая не изменилась.

19 апреля 1941 г. в Чунцине состоялась беседа советского полпреда с Чан Кайши. Вот выдержки из стенограммы этой беседы. «Чан Кайши: Имеете ли Вы, г-н посол, какие-либо сообщения из Москвы? Полпред: Нет, особых и специальных указаний моего правительства я не получал. Чан Кайши: Позвольте узнать Вашу оценку Пакта о нейтралитете между СССР и Японией.

Полпред: Как Вам, г-н Чан Кайши, хорошо известно, СССР постоянно и неуклонно проводит политику мира. СССР активно борется за сужение сфер войны. Пакт является подтверждением этой основной линии внешней политики моего правительства. Внешняя политика Советского Союза остается неизменной. Вы, видимо, знакомы с содержанием беседы Молотова и Шао Лицзы, в которой г-н Молотов дал исчерпывающее разъяснение значения этого пакта и дальнейших взаимоотношений СССР и Китая. Чан Кайши: Да, я знаком с содержанием беседы г-на Молотова с г-ном Шао Лицзы. Я отлично понимаю внешнеполитическую линию СССР. Мне понятен также и этот шаг СССР. Моя оценка Пакта не расходится с теми данными, которые я получал от г-на Шао Лицзы. Все дело в народе и армии Китая, которые, может быть, недопонимают много в международных отношениях и очень остро и болезненно восприняли известие о заключении пакта... Я не могу не признать,

что наш народ и армия действительно были потрясены сообщением о заключении Пакта. Вы должны понять, что народ и армия нашей страны слишком верят СССР, который неизменно помогал нам. Вы должны понять, что подобный шаг СССР не мог не произвести очень сильного впечатления на всех, интеллигенцию в том числе. Неожиданность этого акта действительно оказала сильнейшее психологическое воздействие на Китай. Но я должен заверить Вас, что несмотря ни на что, вера нашего народа в Сталина осталась непоколебимой... Если СССР решит осуществить какое-либо мероприятие в его отношениях с Японией, касающееся Китая, то мы очень хотели бы надеяться на то, что СССР даст нам знать об этом, хотя бы в конфиденциальном порядке»⁸.

15 мая 1941 г. И. В. Сталин направил телеграмму Чан Кайши. В ней подчеркивалось, что СССР будет продолжать оказывать поддержку Китаю в его борьбе за освобождение страны. Чан Кайши принял позицию СССР к сведению, рассчитывая, что поставки военной помощи будут продолжены.

В воспоминаниях некоторых японских государственных деятелей, опубликованных в последнее время, подчеркивалось, что, добиваясь подписания договорного акта с СССР, Япония прежде всего преследовала цели прекращения помощи СССР Китаю⁹. Как показали дальнейшие события эти цели не были реализованы. СССР продолжал осуществлять системную поддержку Китая. После начала советско-германской войны помощь СССР Китаю не была прекращена (советские советники покинули Китай только в середине 1943 г.). Советская помощь Китаю продолжалась.

В нашем распоряжении имеется ряд документов и материалов, позволяющих проследить развитие советско-китайских отношений с июня 1941 г. Это переписка И. В. Сталина и Чан Кайши, записи бесед Чан Кайши с советским послом в Китае, советского посла и представителей китайской общественности и др. Первый из документов — телеграмма Чан Кайши в Москву — датирована 22 июля 1941 г. К этому времени правительство Китая разорвало дипломатические отношения с Германией, поскольку Германия предприняла недружественную Китаю акцию — признала прояпонское, марионеточное правительство Ван Цзинвэя Центральным правительством Китая. Телеграмма Чан Кайши в Москву, как сообщил Фэн Юйсян, считалась в Китае официальным заявлением генералиссимуса Чан Кайши по поводу нападения Германии на СССР. Приведем фрагмент телеграммы: «С радостью узнал, что вы, господин председатель, сами взяли на себя обязанность Народного Комиссара Обороны вашей страны,... наши обе страны на одном фронте борьбы, борьбы против агрессоров, народ и армия Китая, ведущие оборонительную войну, клянутся исчерпать для общей победы все имеющиеся силы, победа СССР будет победой Китая, поражение СССР будет поражением Китая»¹⁰.

В Китае продолжали следить за развитием международных отношений. 15 июля 1941 г. Го Тайци заявил, что советско-британское соглашение от 12 июля 1941 г. в рамках процесса формирования антигитлеровской коалиции, принято в Китае с большим удовлетворением. Это соглашение, отметил министр, отвечает интересам и Китая, рассматривается в Китае как шаг на пути к созданию блока демократических держав¹¹.

17 октября 1941 г. состоялась беседа министра иностранных дел Китая с советским полпредом по вопросам советско-японских отношений. Министр отметил, что он не предполагает торопить СССР с выступлением против Японии совместно с Китаем. Но, тем не менее, он хотел бы довести до сведения советского посла, что обстановка (в Японии) и время торопят с принятием решения. Он отметил, что это мнение разделяется Чан Кайши¹².

Советское правительство опасалось открытия второго фронта против СССР на Дальнем Востоке. На полях докладной записки заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского по поводу проведения в Москве международной конференции И. В. Сталин карандашом написал: «Послу (китайскому. — С. Л.) скажите прямо, что конференция будет обсуждать вопросы войны с Германией, с которой не воюет Китай, а не войны с Японией, с которой воюет Китай. Поэтому участие Китая на этой конференции СССР считаю исключенным. И. Сталин»¹³.

Нападением на американскую военно-морскую базу США на Гавайских островах Перл-Харбор Япония развязала войну на Тихом океане. Вступление США, Англии, других стран в войну на Тихом океане означало, что в японо-китайских отношениях сложилась военно-политическая ситуация, благоприятная для Китая; японо-китайский фронт стал одним из фронтов второй мировой войны на Тихом океане, в войну вступили вооруженные силы союзников Китая, то есть Китай смог рассчитывать на военную помощь всех противников Японии.

8 декабря 1941 г. Чан Кайши пригласил советского посла и послов США и Великобритании, в свою личную резиденцию. В ходе беседы китайский руководитель попытались убедить А. С. Панюшкина в том, что Советскому Союзу совершенно необходимо немедленно выступить против Японии совместно с США и Англией и сообща разгромить восточного агрессора к весне 1942 г.¹⁴ Чан Кайши обратился к послу с просьбой немедленно сообщить содержание его И. В. Сталину. При этом он подчеркнул, что его предложение имеет характер непосредственного и личного послания И. В. Сталину, равно как и президенту Ф. Рузвельту, и премьер-министру У. Черчиллю. Чан Кайши отметил, что решения по выдвинутому предложению будут опубликованы в средствах массовой информации Китая¹⁵.

Однако, предложение Чан Кайши о концентрации военных усилий всех стран, включая Россию,

в борьбе против Японии расценили в Москве как преждевременную попытку по вовлечению СССР в войну с Японией. В ответе И. В. Сталина отмечалось, что антияпонский фронт на Тихом океане, равно как и антияпонская борьба в Китае, является частью общего фронта против стран оси. Одновременно И. В. Сталин сообщил Чан Кайши, что советская армия ведет тяжелые бои с гитлеровской армией, и борьба на Западе также является важной частью общего фронта против стран оси. Советское руководство не может втянуть советскую страну в войну на два фронта¹⁶.

Уровень советско-китайских межгосударственных отношений, несмотря на отказ И. Сталина, оставался высоким. Отношения носили доверительный характер. Связи советского руководства с ЦК КПК также находились на прежнем уровне. Поставки оружия шли в основном через гоминьдановские структуры. Китайское правительство получало информацию о тех или иных шагах Москвы в данном направлении. С 1937 г. в Урумчи существовала школа для подготовки военных кадров для армии КПК.

1 января 1942 г. была подписана Декларация Объединенных Наций. Союзники по второй мировой войне сделали еще один шаг по пути укрепления единого международного фронта борьбы с агрессором. Среди правительств, подписавших Декларацию, были правительства СССР и Китая, несмотря на то, что СССР вел войну в Европе против Германии и не вступил в войну на Дальнем Востоке, а Китай вел войну с Японией и не вступал в войну с Германией. Внутриполитическая ситуация в Китае в этот период была также своеобразна. По данным иностранных корреспондентов, находившихся в Китае, японская блокада выглядела как решето, в отверстиях которого угнездились разного рода тайные общества, занятые среди прочего, доставкой бензина китайскому правительству. Китайская почта доставляла регулярно через линию фронта письма и корреспонденцию из Чунцина и в Чунцин. Одновременно, была ликвидирована китайская единая антияпонская армия (4-ая Армия). Было создано две новых, с гоминьдановским и коммунистическим военным руководством. На уровне верховного командования, тем не менее, происходило согласование стратегических планов и др.

Китайское национальное правительство рассчитывало вести войну с Японией до победного конца. В письме Чан Кайши И. В. Сталину от 6 марта 1941 г. он сообщал: «Я лично уверен, что наша страна, ведущая войну против Японии в течение трех с половиной лет до настоящего времени сохранила свои силы, кроме того, заставила Японию погрязнуть в топком болоте трудностей. В этом деле помощь, оказанная СССР, действительно является огромной... Наша страна для достижения скорейшей победы надеется на все увеличивающуюся помощь Вашей страны»¹⁷.

Весной 1942 г. американское военное командование создало Китайско-Бирманско-Индийскую (КБИ)

группировку для ведения военных действий. Одной из важнейших задач КБИ была координация вооруженных сил Китая и его союзников по Тихоокеанской войне на китайском фронте. Кроме того, КБИ должна была снабжать Китай вооружением и боеприпасами, провести необходимую реорганизацию действующей китайской армии с целью усиления ее боеспособности. Политическая и военная ответственность за КБИ была возложена на американского генерала Дж. Стиллуэлла. Он был назначен Главнокомандующим войсками на КБИ и в этом качестве подчинялся Военному Министерству США. В Китае он был также начальником штаба Чан Кайши. На китайском театре военных действий главнокомандующим оставался Чан Кайши. У Чан Кайши был также китайский начальник штаба Хэ Инцинъ. В июле-августе 1942 г. Китай посетил представитель Ф. Рузвельта Кэрри. Он пришел к выводу, что Чан Кайши не намерен прекращать войну против Японии»¹⁸.

29 июля 1941 г. китайское правительство обратилось в НКВД СССР с просьбой продлить на один год срок действия договора о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже. Ответ (положительный) был дан в устной форме. По данным российского комитета ветеранов войны, в 1942 г. на различных фронтах в Китае воевало до 5 тысяч представителей России. В 1942 г. продолжались поставки военной помощи¹⁹.

В декабре 1941 г. У. Черчилль в памятной записке британским начальникам штабов писал: «Всех привлекает проблема создания авиабаз в Китае или России, с которых можно было бы совершать налеты на японские города. Весьма желательно поэтому, чтобы Россия вступила в войну с Японией». 1 августа эта тема была поднята специальным представителем Президента США А. Гарриманом в беседе с И. В. Сталиным. Сталин заявил, что Япония исторически является русским противником, и ее поражение имеет существенное значение для СССР. Существующие обстоятельства не благоприятствуют участию СССР в войне на Дальнем Востоке, но в свое время СССР несомненно вступит в нее²⁰.

В это же время китайское руководство поставило перед Советским Союзом вопрос об изыскании новых путей связи между Китаем и внешним миром через Иран и советскую Среднюю Азию (после падения Сингапура для Китая сложилось весьма трудное положение с доставкой военной помощи). Предполагалось, что этот новый путь будет проложен от Бендер-Шарнур по железной дороге через Тегеран до Бендер-Шаха, от Бендер-Шаха на советских судах по Каспию до Красноводска, от Красноводска через Ташкент до Алма-Аты, от Алма-Аты по шоссе до Хами (Китай). Это предложение было передано послом Шао Лицзы С. А. Лозовскому 24 марта 1942 г. Советский ответ был положительным²¹.

21 февраля 1942 г. Чан Кайши направляет поздравительную телеграмму Сталину по случаю Дня

советской армии, в которой говорилось: «Глубоко верю, что воины наших двух стран от морального единодушия перейдут к согласованным действиям и таким образом сообща одержат победу, совместно осуществят великий и славный исторический акт»²².

В мае 1942 г. японцы захватили Бирму, остановившись в китайской провинции Юннань. Япония усиливает военную блокаду Китая, отрезав пути подвоза в страну военной и иной помощи. США к этому времени в рамках КБИ провели подготовительную работу к началу совместных наступательных действий, решался вопрос о реорганизации и переформировании волонтерской группы американских летчиков, которую предполагалось влить в американские войсковые авиационные соединения в Китае.

В Советском Союзе вопрос о сохранении единого фронта ГМД и КПК был на контроле. Единство крупнейших политических партий считалось непременным условием возможности продолжения войны Китая против Японии. Позиция западных союзников Китая была аналогична советской. 16 июня 1942 г. Чжоу Эньлай посетил советское посольство, заверив советских представителей о сохранении «внутреннего мира» между КПК и ГМД. А. С. Панюшкин рекомендовал Чжоу Эньлаю встретиться с Чан Кайши и обсудить с ним все острые вопросы взаимоотношений.

В начале 1942 г. в Чунцин прибыл представитель КПК Линь Бяо для переговоров с Чан Кайши об урегулировании военных конфликтов между 18-й армейской группировкой и войсками ГМД. В переговорах принимал участие также Чжоу Эньлай²³. Переговоры имели место также в ноябре 1942 г. — марте 1943 г.

Задача советской внешней политики по Китаю в начальный период войны заключалась в сохранении дружественных отношений с Китаем, с китайским правительством, китайским народом. СССР оставался невоюющим с Японией союзником Китая. Эта ситуация создавала определенные сложности в отношениях двух стран, особенно в период, когда немецко-фашистские войска захватили значительную часть советской территории, рвались к Москве и Ленинграду, в период неудач союзных армий на Тихом океане. Изменение военно-политической обстановки в мире в пользу СССР способствовало улучшению политического климата в отношениях двух стран.

Проблемы Синьцзяна

Синьцзян в течение многих лет был сферой влияния России, сферой интересов России. Советско-китайские отношения в Синьцзяне имеют свою историю и в течение длительного периода определялись главным образом заинтересованностью двух стран во взаимовыгодном сотрудничестве и торговле. В 1941–1942 гг. администрация провинции, под влиянием временных неудач советской армии в борьбе с Германией и не веря в возможность кардинального

изменения ситуации на советско-германском фронте, решила внести существенные коррективы в политический курс на советском направлении, приступила к свертыванию экономических и др. связей с СССР.

12 апреля 1942 г. синьцзянский губернатор Шэн Шицай произвел массовые аресты деятелей, сторонников курса на развитие отношений с Москвой, аресты китайских коммунистов, работавших в Синьцзяне. Многие были впоследствии казнены. 5 октября Шэн Шицай потребовал от советского генконсула Г. М. Пушкина в течение трех месяцев отозвать всех советских специалистов из Синьцзяна, демонтировать оборудование на совместных предприятиях.

В условиях изменения военной ситуации на советско-германском фронте правительство Чан Кайши, заинтересованное в советско-китайском сотрудничестве в Синьцзяне, предложило советскому правительству продолжить сотрудничество в Синьцзяне, согласовывая все вопросы не с администрацией провинции, а с центром. Вскоре поставки из СССР были налажены.

9 июня 1942 г. состоялась беседа Чан Кайши и советского посла А. С. Панюшкина. Посол зачитал Меморандум советского правительства и лично И. Сталина по оценке ситуации в Синьцзяне. Чан Кайши напомнил, что рассчитывает, что по делам Синьцзяна советское правительство отныне будет обращаться к национальному правительству, а не непосредственно к администрации провинции.

В письме В. Молотова от 10 июня 1942 г. синьцзянскому губернатору: «Советское правительство полагает, что Вы, господин Дубань, сделаете для себя необходимые выводы из всего этого и найдете правильное решение вопроса, которое может предотвратить ухудшение наших отношений». Причем, на документе есть автограф Сталина — «согласен»²⁴.

16 июля 1942 г. Чан Кайши, принимая советского посла, среди других вопросов затронул синьцзянскую тему. Он сказал, что получил доклад от Шэн Шицай и намерен направить в провинцию своего представителя г-на Чжу Шаоляна для ведения дел на месте и установления соответствующего контроля над Шэн Шицаем. Чан Кайши просил передать Молотову, что территория Синьцзяна не будут использована третьей державой против СССР и сам Шэн Шицай не связан с врагами Китая. Он подчеркнул, что Шэн Шицаю будут даны указания о том, чтобы он беспрекословно выполнял волю центрального правительства и относился с уважением к советским представителям. В заключение Чан Кайши заметил, что он очень надеется, что советское правительство в дальнейшем будет обращаться по вопросам Синьцзяна непосредственно к китайскому правительству, а не к провинциальным властям, во избежание повторения недоразумений²⁵.

В 1940-х гг. в различных районах Синьцзяна создавались небольшие антигоминьдановские организации, выступающие против режима Шэн

Шица. Члены организаций: «Общество учащихся в Урумчи», «Организация свобода», «Народно-революционная партия Восточного Туркестана» в Кульдже, «Спасение нации» хотя и придерживались разных политических взглядов, но объединялись единством цели: подготовка вооруженного восстания против гоминьдановских властей, за демократизацию и национальное равноправие²⁶. В 1944 г. активизировалось казахское повстанческое движение на Алтае, начавшееся в 1940 г. Осенью 1944 г. в районе Нильха Илийского округа вспыхнуло антигоминьдановское восстание. 7–10 ноября повстанцы захватили г. Кульджу. На рубеже 1944–1945 гг. повстанцы захватили Илийский округ, была образована «Территориальная база Синьцзянского национально-освободительного движения». Ранее, 12 ноября в Кульдже «в торжественной обстановке было провозглашено создание Восточно-Туркестанской республики и ее временного революционного правительства во главе с президентом Алихан-тубе и его заместителями — уйгурским князем Хакимбекходжой и представителем казахской знати Абумхайритюре»²⁷. Выдвигались лозунги отделения Синьцзяна от Китая.

Таким образом, в Синьцзяне началось восстание неханьских народов. В условиях войны с Японией национальное правительство не могло бросить значительные силы для подавления восстания и стабилизации власти китайского правительства в провинции. Как следует из вышеприведенных документов, Советское правительство было в основном обеспокоено судьбой советских граждан, работавших в Синьцзяне.

6 декабря 1944 г. вице-министр иностранных дел Китая Ху Шице пригласил Т. Ф. Скворцова в МИД КР и сделал следующее заявление: «Кульджинские власти не исключают возможность, что по советскому консульству стреляли мятежники. Китайские кульджинские власти окажут защиту советским гражданам, но последние разбросаны в разных местах, поэтому на время ликвидации мятежа просят сосредоточить совграждан в одном месте. Эта просьба вызывается тем, что китайцам трудно отличить советских граждан-китайцев от местного синьцзянского населения. ...Мы просим облегчить нам защиту советских граждан, собрав их в одном месте, например, в консульстве. МИДом дано указание Фу Бинчану сделать такое заявление НКВД, но мы сочли необходимым параллельно сделать заявление в Чунцине»²⁸.

20 декабря 1944 г. состоялась беседа Т. Ф. Скворцова и Генерального секретаря НПС Шао Лицзы. В ходе беседы Шао Лицзы сказал, что Пу Даомин прислал в Чунцин доклад, в котором информировал о встречах с генконсулом СССР в Урумчи В. Евсеевым. В докладе Пу Даомин сообщил, что точка зрения его и Евсеева «не особенно отличаются». Но посольство СССР в Чунцине информацией о содержании беседы в Урумчи не располагало. «Касаясь вопроса о восстании в Кульдже», Шао Лицзы высказал свою

точку зрения, согласно которой «восстание могло случиться в обстановке прекращения советско-китайских торговых связей и ухудшения в такой обстановке положения белых». Шао Лицзы сказал, что политика синьцзянских властей в отношении белых была неправильна: в прежние времена им не разрешался выезд в СССР, им нужно разрешить выезд, их следует достойно проводить до границы СССР, а их недвижимость должна быть выкуплена Китаем по справедливой цене. Далее Шао Лицзы говорил, что советские власти раньше не пускали белых на свою территорию по той причине, что они совершали ранее политические и другого рода преступления. Но старое поколение уже ушло в мир иной, а молодые хотят вернуться в СССР. Шао Лицзы интересовался порядком восстановления белых в правах гражданства СССР. Информация Т. Ф. Скворцова сводилась к следующим моментам: заявление на имя Президиума Верховного Совета СССР, соответствующая проверка и как ее результат: решение по каждому заявлению.

Шао Лицзы подчеркнул, что правительствам СССР и Китая следовало бы решить вопрос о возвращении «русских на родину»; после выезда русских из Синьцзяна в последнем не будет никаких восстаний²⁹. Итак, устами Шао Лицзы китайское руководство попыталось найти достойный выход из сложной политической и национальной ситуации в Синьцзяне, обвинив «белых русских». Советское правительство и китайские власти объявлялись непричастными к восстанию, полыхавшему в Синьцзяне.

Важной объективной причиной недовольства и начала восстания было резкое ухудшение экономического положения в Синьцзяне в результате разрыва советско-китайских торгово-экономических связей. Но в Чунцине все-таки связывали восстание в Синьцзяне с политикой СССР. Например, об этом шла речь в беседе Т. Ф. Скворцова и Цзян Цзинго. Цзян Цзинго говорил, что «Чан Кайши очень много думает, как улучшить советско-китайские отношения, он в последнее время дал указание средствам массовой информации не писать ничего плохого о Советском Союзе», а затем спросил: «Что нужно сделать в Синьцзяне, чтобы улучшить отношения Китая и СССР...?» Он добавил, что Чан Кайши предполагал, что все недоразумения, наблюдавшиеся в Синьцзяне, будут устранены с отставкой Шэн Шица, на деле так не получается. Итак, восстание неханьских народов в Синьцзяне было связано в первую очередь с резким ухудшением экономического положения в провинции после разрыва советско-китайских торгово-экономических связей в Синьцзяне. Китайское правительство и китайская общественность связывали беспорядки в Синьцзяне с политической линией СССР. В нашем распоряжении нет документов, которые дали бы возможность высветить события в Синьцзяне. На данном этапе изученности вопроса мы можем ограничиться

замечанием, что советская сторона, в обстановке укрепления позиций западных держав в регионе, могла оказать поддержку оппозиции³⁰.

СССР поддержал восстание в Или (в трех округах — Илийском, Тарабогатском, Алтайском). В 1944 г. произошло решающее сражение, окончившееся поражением гоминьдановских войск. 15 ноября 1944 г. восставшие провозгласили создание Восточно-Туркестанской Республики (ВТР) во главе с Алиханом Туре и Ха-кимбаем-ходжой (уйгур). Потом восстание распространилось и на Кашгарию. Оно не закончилось победой, а скорее поражением. В сентябре 1945 г. Синьцзяну была предоставлена местная автономия³¹.

Китай не мог без СССР урегулировать ситуацию в Синьцзяне. Так, 19 января 1945 г. министр иностранных дел Китая Сун Цзывэнь передал посольству СССР в Чунцине предложения китайского правительства о китайско-советской торговле и экономическом сотрудничестве в провинции Синьцзян. Предложения сводились к следующим позициям:

- а) Торговое сотрудничество. Торговые связи базируются на принципе равноправия, взаимного благоприятствования, взаимного уважения, суверенитета. Для удобства обеих сторон синьцзянские товары, в которых нуждается СССР, должны поставяться синьцзянской торговой компанией, а советские товары, в которых нуждается китайская сторона, Урумчинским отделением Торгпредства СССР в Китае.
- б) Экономическое сотрудничество. 1. Добыча вольфрамовых и оловянных руд в пров. Синьцзян производится после достижения соглашения между обеими сторонами китайско-советской Смешанной Комиссии. Капитал Компании составляет из взносов по 50%. Нефтепромыслы в Душаньцзы должны управляться согласно советско-китайскому договору от 16 февраля 1940 г. Однако китайская сторона приветствует техническое сотрудничество и, кроме того, готова продавать советской стороне часть нефтесырья. 3. Сотрудничество в области легкой промышленности должно быть налажено в надлежащее время путем согласования сторон³².

Таким образом, ситуация в Синьцзяне в 1941–1945 гг. развивалась по собственным сценариям, связанным с национальным сепаратизмом и стремлению к отделению от Китая. Советская политика в данном случае отличалась противоречивостью. СССР на каком-то этапе (1944 г.) пыталась использовать ВТР в своих планах. В конечном счете, между Москвой и Чунцином был найден политический компромисс.

Китай в 1943–1945 гг.

В 1943–1944 г. в Китае были продолжены переговоры между руководством ГМД и КПК с целью предотвратить возможность возобновления гражданской войны. Ряд факторов препятствовал успеху

переговоров, в их числе своеобразие военно-политической обстановки в Китае к 1944 г.: наступательные действия китайской армии против Японии фактически были отложены до окончания войны в Европе; национальное правительство Китая и руководство КПК не доверяли друг другу.

В 1944 г. в Москву из Китая поступали материалы, в основном создававшие позитивный имидж КПК, вынужденной занимать оборонительные позиции в споре с ГМД. Советское правительство было обеспокоено ситуацией в едином китайском фронте. По указанию И. В. Сталина Г. Димитров направляет письмо руководству КПК по этому вопросу. Г. Димитров выражал озабоченность отношениями КПК с ГМД. В ответных телеграммах в Москву Мао Цзэдун просил понять правильно внутривнутрипартийную политику руководства КПК, отмечая, что можно ожидать улучшения в характере взаимоотношений КПК с ГМД. Цель Мао Цзэдуна состояла в том, чтобы убедить Москву в дружественности руководства КПК и убедить представителей Коминтерна в Китае в том, что такова реальная сущность позиции руководства компартии.

В записке другого советского представителя П. П. Владимиров о позиции китайских коммунистов по данной проблеме говорилось: «Мао убеждал меня в том, что Чан Кайши обязан предоставить коммунистам места в правительстве, что Особому району необходимо много оружия для борьбы с японцами. И ни словом не обмолвился о том, что боевые действия против японцев свертываются. Это факт бесспорный. Мао только на словах признает единый антияпонский фронт. Все помыслы его там — в Чунцине. Там люди, которых необходимо убрать с дороги, снять, лишить власти — это главное. Вопреки реальной обстановке, фактам»³³.

В апреле 1944 г. между КПК и ГМД возобновились переговоры. Но уже в начале мая они зашли в тупик и были прерваны. 30 апреля П. П. Владимиров записал в своем дневнике: «Вот цели Мао Цзэдуна: успокоить общественное мнение, недовольное состоянием раскола между Компартией и Гоминьданом; оправдать антигоминьдановскую политику в глазах Москвы; мол, мы всегда за переговоры — это Чан Кайши нас провоцировал; выдвижением «сверхрадикальных» требований постараться выставить Чан Кайши в невыгодном свете; переговоры свяжут Чан Кайши и явятся определенной гарантией от нападения его войск на Особый район. Таким образом, можно, не отказываясь от антигоминьдановского курса, углублять раскол и, пользуясь состоянием войны с Японией, навязывать Чан Кайши свою волю»³⁴.

Критика Чан Кайши и в целом чунцинского правительства со стороны прессы усилилась в связи с военными поражениями, которые потерпели гоминьдановские войска в апреле 1944 г. в Хэнани и в августе 1944 г. в Хунани, а также в связи с угрозой японского наступления на Гуанси.

Руководство КПК поддерживало тесный контакт с Москвой, справедливо рассчитывая на помощь в критической ситуации. Советское руководство, со своей стороны, в конце 1944 г. принимает решение об активизации политики в Китае и в гоминьдановском Китае, и в Особом районе, контролировавшемся КПК. Однако, переговорный процесс между ГМД и КПК с целью укрепления национального единства в стране в 1944 г. завершен не был.

Необходимость демократических перемен в Китае была назревшей проблемой. Эта тема присутствовала в газетной и иной печатной информации, обсуждалась видными общественными деятелями Китая. Чан Кайши и другие представители китайской правящей элиты придавали этой теме важное значение, рассматривая ее частью программы выхода Китая из кризиса — политического, экономического, социального. Коммунисты настаивали на глубокой реорганизации правительства, в ходе которой ГМД поделился бы властью с КПК. Чан Кайши рассчитывал сформировать правительство, в которое бы вошли отдельные представители оппозиции. 22 декабря 1944 г. Цзян Цзинго в беседе с советским представителем Т. Ф. Скворцовым отметил, касаясь возможности дальнейшей реорганизации правительства, что «реорганизация будет иметь место, но это длительный процесс, приходится учитывать настроения отдельных милитаристов»³⁵.

В конце 1944 года КПК в ряде своих документов выдвинула требование о реорганизации правительства. Это требование получило поддержку Демократической Лиги, широких слоев прогрессивных людей, части передовых гоминьдановцев, например, Сунь Фо, Юй Южэня, Фэн Юйсяна. За реорганизацию правительства выступили и представители президента Рузвельта. Ряд газет — «Хуаси жибао» (Чэнду), «Юньнань жибао» (Куньмин) и «Дагунбао» (Чунцин) — опубликовали статьи, в которых поддерживали необходимость реорганизации правительства. Чан Кайши понимал, что положение в стране осложняется.

Чан Кайши в новогоднем послании к народу объявил, что в связи с изменившейся обстановкой считает необходимым созвать VI Национальный Конгресс ранее намеченного срока, до окончания войны, и намерен внести на рассмотрение центра предложение о немедленном созыве Национального Конгресса и опубликовании конституции. Вопрос о сроке опубликования конституции он поставил в зависимость от стабилизации военной ситуации. Советское посольство в докладе, направленном в НКВД, подчеркивало, что «произведенная в декабре 1944 г. реорганизация китайского правительства является простой перестановкой одних и тех же лиц с одного места на другое. Она рассчитана лишь на обман общественности. Правительство Гоминьдана не предполагает осуществление реальной реорганизации правительства»³⁶.

К концу 1944 г., по имеющимся материалам, на-

чинается переориентация американской политики в Китае целиком и полностью на ГМД. С помощью Чан Кайши и его правительства США рассчитывали укрепить американские позиции в стране после войны. В отчете советского посольства за декабрь 1944 г. отмечается, что американцы, согласно инструкции Ф. Рузвельта, работают над программой поддержки Чан Кайши, освобождают американские загранучреждения от дипломатов, поддерживавших ранее тесные связи с КПК в споре КПК с ГМД. Американским представителям запрещено обсуждать с китайскими коммунистами вопросы внутривнутриполитической жизни Китая, выступать с критикой правительства Китая, направлять в США служебные материалы критического содержания в адрес ГМД³⁷.

Решение вопросов, связанных с доставкой военно-технических грузов для Китая через СССР, началось в конце 1944 г., в общей программе подготовки вступления СССР в войну на Дальнем Востоке (после окончания войны на Западе). Как известно, на конференции в Тегеране (1943 г.) советское правительство, идя навстречу пожеланиям союзников, дало согласие вступить в войну с Японией, но после окончательного разгрома фашистской Германии. В середине октября 1944 г. И. В. Сталин затронул тему вступления СССР в войну с Японией в разговоре с А. Гарриманом, А. Иденом, другими дипломатическими и военными представителями США и Англии. Тогда же И. В. Сталин дал согласие на разработку совместных с США планов действий против Японии и представил список советских заявок на американские поставки.

Советское посольство, как и посольства других стран, уделяло большое внимание анализу внешнеполитической деятельности и международных отношений Китая в целом. В отчете посольства за последний квартал года, как и в других документах, имели место термины «реакционность» правительства Китая, «нежелание вести войну с Японией» и др., тем не менее, отмечалось, что Китай вел активную внешнюю политику и не предполагал заключить сепаратный мир с Японией (данная тема неизменно беспокоила советское руководство). Отношения Китая с союзниками определялись в основном размерами военной помощи Китаю, военной активностью на китайском театре военных действий, расчетами на поддержку курса на создание единого национального китайского государства в поствоенном мире. Важнейшим партнером национального правительства Китая были США.

В Китае в 1944–1945 гг. усилилось американское влияние, этому способствовали и американские советники. Во всех отраслях экономики Китая, в том числе во вновь созданном Управлении военного производства, контролировавшем экономическую жизнь Китая, Транспортном Управлении, в чьем ведении находится транспорт, американцы укрепляли влияние различными путями. Одним из рычагов воздействия на Китай являлась построенная американцами Ледосская дорога — важный канал

доставки вооружения и другого снабжения для Китая. В конце 1944 г. между Китаем и Америкой активно велись переговоры по вопросам увеличения помощи США Китаю, привлечения американского капитала в китайскую промышленность, послевоенной организации Дальнего Востока.

Что касается китайско-английских отношений, в Китае имело место недовольство недостаточно активными военными действиями английских войск в Бирме, отсутствием действий английского флота на Тихом океане, не взаимодействием с американцами, воюющими на Филиппинах. Китайские средства массовой информации распространяли слухи, что англичане вообще не хотят воевать с Японией, а выступают за подписание сепаратного соглашения с Японией за счет Китая.

Англичане не оставляли без внимания подобные заявления китайцев и в ходе личных бесед с китайскими деятелями, через свою агентуру, миссионеров и довольно большую группу проанглийски настроенных китайцев, подчеркивали, что не могут в данный момент сосредоточить свои силы на Дальнем Востоке, так как английский фронт рассеян по планете. Влияние Англии в Китае заметно уменьшилось. Это было следствием политики Англии в Китае, направленной на расчленение Китая на сферы влияния: Англия претендовала на юго-восток страны и районы, примыкающие к Бирме и Тибету.

Китайско-французские отношения были связаны с отказом правительства Виши от экстерриториальных прав в Китае. Однако правительство де Голля заявило, что для отказа от этих прав необходимы определенные гарантии со стороны китайского правительства. Более того, деголлевское правительство старалось нащупать возможность совместного выступления в Китае ряда стран, по крайней мере, по экономическим вопросам. В этом направлении в течение всего 1944 г. работал специальный экономический советник французского посольства. Он обращался в советское посольство, объясняя, что Франция и Советский Союз имеют общие интересы в Китае, имея в виду вложенные французские капиталы в КВЖД.

В сентябре–декабре 1944 г., в Китае происходили активные военные действия на западе провинции Юньнань. Военные действия здесь в сочетании с боями в Северной Бирме были рассчитаны на открытие международного пути Китай–Индия. Как в Юньнани, так и в Бирме действия китайских частей были более успешными. Китайцам удалось отвоевать ряд важных пунктов. Чан Кайши, как реальный политик, понимал, что Китаю в решении его насущных проблем необходимо иметь дружественные отношения с СССР.

11–16 сентября 1944 г. в Квебеке состоялась встреча руководителей США и Англии. На конференции был принят ряд постановлений, в том числе по Японии. «Имея в виду конечную цель вторжения в японскую метрополию, мы договорились о буду-

щих операциях в целях усиления наступления против японцев на всех театрах»³⁸. Когда А. Гарриман информировал И. В. Сталина об итогах встречи в Квебеке, И. В. Сталин обратил внимание, что посол не упомянул об участии СССР в войне с Японией. Президент США направил соответствующее заверение союзников И. В. Сталину, и в конце сентября 1944 г. тот дал поручение Генеральному Штабу подготовить расчеты по сосредоточению и материальному обеспечению войск на Дальнем Востоке. «Скоро, видимо, потребуется», — закончил разговор И. В. Сталин³⁹.

СССР начал подготовку к вступлению в войну на Дальнем Востоке; в рамках этой программы важное значение имел Китай. СССР возвращался на Дальний Восток. Одновременно, в Китае началась подготовка к направлению делегации в СССР. 13 декабря 1944 г. министр иностранных дел Китая и и. о. председателя Исполнительного юаня Сун Цзывэнь пригласил Т. Ф. Скворцова на обед в свою загородную резиденцию. Присутствовал бывший посол в СССР Шао Лицзы. Сун Цзывэнь интересовался, какие вопросы советско-китайских отношений не разрешены до настоящего времени. Он сказал, что должен направиться в Москву в конце февраля, и его поездка «является секретной». Он назвал в предварительном порядке членов делегации и заметил, что его миссия аналогична миссии Де Голля или миссии Бенеша. В конце беседы Сун Цзывэнь сообщил, что до начала визита «постарается быстро разрешить все могущие возникнуть вопросы в наших отношениях»⁴⁰.

22 декабря 1944 г. состоялась встреча Т. Ф. Скворцова с Цзян Цзинго, который предполагал быть переводчиком на советско-китайских переговорах. Цзян Цзинго заметил, что миссия Сун Цзывэня заключается в передаче советскому правительству мнения маршала Чан Кайши. Неизбежна постановка вопроса о войне с Японией⁴¹.

Национальное правительство Китая активно работало над организацией визита министра иностранных дел Китая Сун Цзывэня в Москву, полагаясь на посредничество американской администрации, Чан Кайши подчеркивал, что рассчитывает на помощь США в урегулировании китайско-советских отношений.

В Москве началась подготовка к визиту высокого гостя из Китая. Советская сторона приняла решение приступить к обсуждению дальневосточных проблем. По заданию советского руководства, ДВО НКВД подготовил докладную записку о предполагаемом пакете предложений китайской стороны на советско-китайских переговорах. 5 января 1945 г. помощник заведующего 1-м ДВО НКВД СССР А. Савельев в Записке С. А. Лозовскому сообщил, что по данным ДВО в Москве будут предложены для обсуждения следующие вопросы:

1. Заключение договора о ненападении сроком на 10–20 лет.
2. Военное сотрудничество Китая с СССР.

3. Покупка оружия и боеприпасов.
4. Транзит китайских военных грузов через территорию СССР.
5. Проблема Синьцзяна: участие СССР в разработке полезных ископаемых на Северо-Западе Китая, строительство авиазавода, покупка оборудования для нефтекомбината, работа авиалинии «Хами-Ата». Возобновление торговли между Синьцзяном и СССР. Возможны и другие вопросы⁴².

26 февраля 1945 г. в советское посольство в Чунцине прибыл Цзян Цзинго. Целью его визита, как сообщил в Москву Г. Ф. Скворцов, было выяснение по просьбе Чан Кайши, обсуждались ли на Крымской конференции дальневосточные вопросы. Поверенный в делах СССР сообщил китайскому представителю, что, как явствует из заявлений, такие вопросы на конференции не обсуждались. Возможно, посольство не было соответствующим образом информировано. Цзян Цзинго в предварительном порядке изложил далее концепцию послевоенного экономического возрождения Китая. В этой концепции СССР отводилась важная роль. Посольство оценило визит Цзян Цзинго как направленный на создание благоприятных условий в работе грядущей советско-китайской конференции.

Как известно, ялтинские решения по блоку дальневосточных проблем сводились к следующим: СССР вступает в «войну против Японии на стороне союзников при условии: 1. Сохранения status-quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики); 2. Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов; б) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; г) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет; 3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов. Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И. В. Сталина, Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие. Главы Правительств трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией. Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством Пакт о дружбе и союзе

между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»⁴³.

Китайская программа предполагала восстановление суверенитета Китая на всей китайской территории, захваченной японцами в ходе войны; возвращение Китаю «утраченных территорий» в XIX и XX вв., включая Маньчжурию, Тайвань, Гонконг, Внешнюю Монголию; отмену неравноправных договоров и подписание с державами новых, основанных на принципе равенства; официальное признание Китая великой державой; совместную помощь держав Китаю в становлении единого китайского государства, его экономическом развитии под руководством национального правительства⁴⁴.

Соглашение в Ялте не предусматривало возвращение Китаю Внешней Монголии и Гонконга, но в значительной степени учитывало внешнеполитические условия Китая. Советское руководство не без основания предполагало, что вопросы о МНР, а также советском присутствии в Маньчжурии будет трудно решить на советско-китайских переговорах.

28 мая 1945 г. И. В. Сталин сообщил американскому послу, что принял решение встретиться с министром иностранных дел Сун Цзывэнем в Москве, не позднее 1 июля 1945 г. с целью обсуждения Ялтинских соглашений. Информация была направлена Сун Цзывэню в Сан-Франциско, где проходила международная конференция с участием Китая.

Главой китайской делегации на советско-китайские переговоры был назначен председатель Исполнительного юаня, министр иностранных дел Сун Цзывэнь. Советскую делегацию возглавил И. В. Сталин, подчеркнув тем самым значимость для советской стороны переговоров и советско-китайских отношений в целом.

Сун Цзывэнь следующим образом изложил цели визита: «Я направляюсь в Москву для конкретной беседы с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, в ходе которой можно было бы решить все вопросы советско-китайских отношений, мы хотели бы услышать совершенно откровенно мнение маршала Сталина по вопросам советско-китайских отношений и его позицию в отношении Китая». Сун Цзывэнь отметил, что предполагал направиться в Москву из Сан-Франциско, но Чан Кайши затребовал его в Чунцин, чтобы он на месте ознакомился с текстом упомянутого соглашения Рузвельта-Сталина и получил инструкции от китайского руководства. Как сообщил Сун Цзывэнь, в состав делегации вошли известные специалисты по России, друзья СССР, и китайская сторона возлагает на миссию большие надежды⁴⁵.

В архиве МИД РФ хранится план встречи, пребывания, проводов Сун Цзывэня и вице-министра иностранных дел Ху Шицзе. Из документа следует, что была запланирована встреча на высшем уровне. В. М. Молотов и еще семь официальных лиц встречали делегацию в аэропорту, аэропорт был украшен фла-

гами СССР и Китая, гостей приветствовал почетный караул, звучали гимны двух стран. План мероприятий, включая переговоры и встречи со Сталиным, культурную программу, прием в честь высокого гостя в Особняке НКВД СССР, обед И. В. Сталина в Кремле в честь высокого гостя из дружественной державы был подготовлен на 5 дней. Таким образом, советское руководство рассчитывало все вопросы советско-китайских отношений согласовать и решить за 5 дней, учитывая, что основные параметры соглашения между СССР и Китаем уже определены при посредничестве США⁴⁶.

Руководство КПК было недовольно началом переговоров в Москве. В телеграммах и письмах в СССР Мао Цзэдун и другие не могли скрыть своего несогласия с политикой СССР. Разочарование и непонимание вызывалось: 1) тем, что ЦК КПК соответствующим образом не было информировано о переговорах и их конкретной цели — подписании договора с правительством Чан Кайши, 2) признанием Советским Союзом Чан Кайши лидером Китая в период войны. КПК предполагала, что Маньчжурия и Корея будут переданы под юрисдикцию гоминьдановского правительства. 29 июня 1945 г. Ван Жофэй в беседе с временным поверенным СССР в Китае отмечал, что «...без специальных оговорок и условий, в смысле демократизации Китая и т. п., КПК не может одобрить политику СССР в данном вопросе»⁴⁷.

30 июня 1945 г. Второй день визита делегации в СССР. Первая встреча с И. В. Сталиным. Согласно записи беседы, переговоры проходили в спокойной дружественной обстановке. Сун Цзывэнь вручил И. В. Сталину упомянутое выше Послание Чан Кайши. И. В. Сталин поблагодарил за послание и поинтересовался, следует ли приступить к деловой части визита немедленно. Сун Цзывэнь предполагал ограничиться общим заявлением о цели миссии. Сталин согласился. В заявлении доктора Суна отмечалось, что Сунь Ятсен завещал Китаю необходимость хороших дружественных отношений с СССР. Чан Кайши и весь китайский народ, подчеркнул доктор Сун, надеются на установление сердечных отношений. Миссия прибыла в Москву с целью обмена мнениями с генералиссимусом Сталиным по вопросам советско-китайских отношений и подписания советско-китайского договора. И. В. Сталин выслушал Сун Цзывэня и изложил позицию Советского Союза. Он сказал, что царское правительство стремилось к разделу Китая. Теперь у власти новые люди, уважающие целостность и суверенитет Китая и он, Сталин, думает, что обе стороны сумеют договориться между собой.

Следующая встреча со Сталиным состоялась 2 июля. С советской стороны присутствовали В. М. Молотов, С. А. Лозовский, А. А. Петров, В. Н. Павлов. С китайской стороны — Ху Шицзе, Фу Бинчан, Цзян Цзинго. В начале беседы Сталин спросил Сун Цзывэня, известно ли ему соглашение представителей трех держав, достигнутое на

Крымской конференции по Дальнему Востоку. Сун Цзывэнь ответил, что ему сообщил об этом президент Трумэн. Американцы сообщили также о точке зрения Сталина на положение в Китае. Началось постатейное обсуждение ялтинского соглашения. 1-й вопрос о МНР (Внешняя Монголия). Чан Кайши, как подчеркнул Сун Цзывэнь, считает, что вопрос о МНР не может быть разрешен в настоящее время и необходимо его вынести за рамки настоящих переговоров, оставить открытым. И. В. Сталин придерживался иной позиции. Аргументируя советскую точку зрения, И. В. Сталин подчеркнул, что, подписывая соглашение на Крымской конференции, советское правительство руководствовалось двумя соображениями: 1) необходимостью усилить свои стратегические позиции против Японии, поскольку СССР предлагает заключить союз с Китаем, и объединенными силами разгромить Японию. Идет ли речь о Порт-Артуре, о КВЖД, Южном Сахалине, о Внешней Монголии — во всех случаях Советский Союз имеет в виду лишь одну цель — усиление стратегических позиций Советского Союза, как вероятного союзника Китая в войне против Японии. Ни МНР, ни Порт-Артур, ни КВЖД не имеют значения с точки зрения извлечения какой-либо прибыли, 2) Советский народ уже воюет четыре года, и он понимает, что необходимо воевать в том случае, когда на него нападают... Теперь мы должны напасть на Японию... Чем в таком случае можно оправдать нашу акцию нападения? «Я считаю, — сказал Сталин, — ее можно оправдать тем, что записано в документе». Сун Цзывэнь заметил, «что генералиссимус Сталин не понимает, как важно для Китая возвращение Монголии. Китайское правительство находится в сложном положении, ему будет трудно объяснить, по каким причинам в итоге восьмилетней тяжелой войны с Японией оно должно отказаться от части своей территории, от Внешней Монголии». Сун Цзывэнь настаивал, чтобы СССР принял китайскую позицию и отказался обсуждать «непреодолимую проблему» в данное время. И. В. Сталин заметил, что МНР заинтересована в определении своего статуса и предложил следующую процедуру: принять решение о предоставлении независимости МНР, но объявить об этом после разгрома Японии. «Когда Китай получит, — говорил И. В. Сталин, — новые территории в результате поражения Японии, то тогда и можно будет объявить о независимости Монголии, и этот факт не произведет отрицательного впечатления на китайский народ». Сун Цзывэнь заметил, что он должен проконсультироваться с Чан Кайши. Далее обсуждался вопрос о порте Дайрен (Дальний). Сталин заметил, что в Крымском соглашении записано об интернационализации порта, т. е. о том, что порт не будет закрыт для судов других стран. Обсуждались вопросы об администрации порта, распределении таможенных пошлин и налогов и было решено продолжить обсуждение⁴⁸.

Вопрос о Порт-Артуре. Доктор Сун подчеркнул, что Китаю не хотелось бы сдавать порт в аренду, дабы не создавать прецедент. Китай за совместное использование Порт-Артура русскими и китайцами. И. В. Сталин заметил, что он поищет другую формулу (вместо аренды) и учтет пожелания Чан Кайши. Советский Союз, подчеркнул Сталин, не будет создавать прецедента, который был бы невыгоден Китаю. Вопрос о железных дорогах также подлежал обсуждению, но особых противоречий в пожеланиях сторон на данном заседании обнаружено не было⁴⁹.

В ходе обсуждения монгольской проблемы выяснилось, что стороны вкладывают разное содержание в термин «статус-кво». Советская сторона «статус-кво» МНР понимала как 24-летний период существования де-факто независимого монгольского государства — МНР, китайская сторона исходила из международно-правовой фиксации суверенитета Китая над Монголией (май 1924 г.), признав при этом, что в силу ряда причин Китай не пользовался правом суверенитета на территории МНР. В итоге продолжительной и весьма откровенной беседы И. В. Сталин подчеркнул, что без решения вопроса о МНР переговоры с мертвой точки не сдвинутся⁵⁰.

8 июля 1945 г. состоялась встреча Цзян Цзинго и советского посла А. А. Петрова. Цзян Цзинго пришел поделиться впечатлениями от встречи Сталина — Сун Цзывэня, он был обеспокоен тем, что переговоры по существу зашли в тупик. Цзян Цзинго сказал послу, что посол, как наиболее осведомленный в китайской обстановке участник переговоров с советской стороны, может понять точку зрения Чан Кайши о невозможности признания независимости МНР, ибо такое признание ослабило бы позиции китайского правительства и вызвало бы политический кризис в стране. Цзян Цзинго упомянул об учении Сунь Ятсена о территориальной целостности Китая, но посол считал, что нельзя не принимать во внимание волеизъявление монгольского народа, наоборот, учет его будет наиболее полно отражать дух учения Сунь Ятсена по национальному вопросу⁵¹.

9 июля 1945 г. Сун Цзывэнь заявил, что если Китай признает суверенитет МНР, то он пойдет против безопасности государства и против общественного мнения. Но в интересах советско-китайской дружбы Чан Кайши идет на подобную жертву». Далее доктор Сун зачитал телеграмму Чан Кайши: «Китайское правительство, желая найти радикальное решение вопроса о дальнейшем развитии и укреплении советско-китайских отношений и устранить все возможные разногласия и осложнения для того, чтобы добиться в будущем прочного сотрудничества с СССР, что является исполнением воли Сунь Ятсена, выдвигает три предложения. В основе этих предложений лежит требование сохранения территориального суверенитета и административной целостности Китая и действительного единства Китая. Китайское правительство выражает надежду на то, что Совет-

ское правительство проявит сочувствие к Китаю, окажет ему конкретную помощь и ответит ему совершенно определенно и конкретно на следующие три предложения: 1. Китайское правительство выражает глубокую благодарность за данные маршалом Сталиным обязательства уважать территориальный суверенитет и административную целостность Маньчжурии. В интересах общего блага Китай готов пойти на совместное использование Порт-Артура с целью организации там военно-морской базы, сделать Дайрен открытым портом сроком на 20 лет, совместную эксплуатацию железных дорог при соблюдении суверенитета и целостности Маньчжурии. 2. ... Китайское правительство выражает желание, чтобы Советский Союз сотрудничал с ним в устранении беспорядков в Синьцзяне и возобновлении торговли. 3. Ввиду отдельной военной и административной организации КПК военные и административные власти Китая не могут быть полностью объединены под руководством центрального правительства. Мы хотим, чтобы всякая военная помощь — политическая, материальная или моральная, которую советское правительство будет оказывать Китаю, оказывалась бы только Центральному правительству. Китайское правительство готово после поражения Японии и после того, как будут достигнуты цели, упомянутые в вышеуказанных трех пунктах, предоставить Монголии независимость... Однако этот акт должен быть осуществлен путем плебисцита. Таким образом, территориальный суверенитет и административная целостность Маньчжурии, помощь Китаю в устранении беспорядков в Синьцзяне, отказ СССР от помощи КПК — условия признания Китаем независимости МНР⁵².

Далее на переговорах 9 июля 1945 г. уточнялись позиции по всем обсуждавшимся советско-китайским вопросам, в том числе о проекте Договора о дружбе и взаимопомощи и соглашений к нему. Китайская сторона подготовила альтернативный вариант Договора и соглашений. Сун Цзывэнь подчеркнул, что «разница между советским и китайским проектами договора незначительна, она, пожалуй, сводится лишь к вопросу о ратификации». Согласно китайской конституции, договор вступает в силу не с момента подписания, а с момента обмена ратификационными грамотами. Затем глава китайской делегации возвратился еще раз к проблеме КПК. Обратимся к документу.

«Сун спрашивает, что думает тов. Сталин о китайских коммунистах. Тов. Сталин спрашивает, что хочет китайское правительство от СССР. По-видимому, речь идет о том, чтобы Советский Союз не вооружал китайских коммунистов, и чтобы вся помощь шла непосредственно в распоряжение правительства Чан Кайши. Сун отвечает утвердительно. Тов. Сталин говорит, что он согласен с этим и спрашивает, не желает ли китайское правительство, чтобы Советский Союз начал разоружение китайских коммунистических войск. Сун говорит, что такое требование было

бы фантастическим и указывает, что китайское правительство стремится решить коммунистический вопрос политическим средствами. Тов. Сталин указывает, что было бы весьма хорошо, если бы были найдены эти политические средства для решения вопроса о взаимоотношениях между ГМД и КПК. Китайские коммунисты — это хорошие патриоты, которые будут успешно сражаться с японцами. Сун говорит, что центральное правительство стремится к слиянию армий и созданию единой власти в стране. Тов. Сталин отвечает, что это вполне законное желание, ибо в государстве должна быть одна армия и одно правительство. Советская сторона еще раз подчеркнула, что Советский Союз выступает за единое централизованное китайское государство»⁵³.

10–11 июля 1945 г. уточнялись позиции сторон. По вопросу о железных дорогах Маньчжурии спорным оказался вопрос о транзитных перевозках войск в военное и мирное время. И. В. Сталин согласился, чтобы в тексте соглашения были предусмотрены только перевозки военных материалов. Продолжались дискуссии по вопросам, связанными с Дайреном, Порт-Артуром и др. В ходе переговоров, на заключительном этапе, 11 июля Сун Цзывэнь напомнил, что Чан Кайши хотел бы получить письменные подтверждения Советского Союза по вопросу о Синьцзяне, о Маньчжурии, о китайских коммунистах. И. В. Сталин заметил, что в Договоре о дружбе и союзе имеется пункт о невмешательстве во внутренние дела другой страны. Но доктор Сун настаивал на специальной телеграмме Чан Кайши. И. В. Сталин в конце концов заявил, что если по всем другим вопросам будет достигнуто соглашение, он направит специальную ответную телеграмму Чан Кайши.

12 июля, накануне отъезда И. В. Сталина в Потсдам, состоялась заключительная на текущем этапе советско-китайская встреча. Процесс выработки коммюнике свидетельствовал, что обе стороны были заинтересованы в успешном завершении переговоров. «Тов. Молотов предлагает, — отмечается в записи, — составить коммюнике о переговорах, в котором следует отметить, что имели место беседы об улучшении советско-китайских отношений, что переговоры еще не закончены и будут продолжены. В заключение Сун поблагодарил Сталина за откровенность во время переговоров, он сказал, что уезжает из Москвы под впечатлением искреннего желания Сталина установить дружественные отношения с национальным правительством Китая. Переговоры возобновились накануне вступления СССР в войну против Японии. 4 августа 1945 г.»⁵⁴

4 августа 1945 г. в Чунцине состоялась беседа Чан Кайши с советским послом А. А. Петровым. Чан Кайши сообщил послу: «Теперь заключение соглашения о «ленд-лизе» для Китая важнее любого дела. Если мы упустим настоящий момент, то Китай окажется бессильным получить американскую помощь по «ленд-лизу»⁵⁵. Указанное заявление можно было

бы объяснить и тем, что китайская сторона сняла, в основном, оставшиеся к середине июля нерешенные вопросы и готова подписать договор и соглашения к нему.

Ко времени возобновления переговоров ДВО НКВД подготовил две справки: 1) Советские и китайские предложения по вопросам КВЖД, ЮМЖД, Порт-Артура, Дальнего. Основные разногласия, и 2) Перечень нерешенных вопросов между СССР и Китаем по состоянию на 6 августа. Разногласия оказались согласуемыми по всем позициям, тем не менее, подписанию договора предшествовали шесть раундов.

10 августа 1945 г. беседа началась с заявления И. В. Сталина о капитуляции Японии. Доктор Сун заявил, что это произошло благодаря Советскому Союзу. Сталин уточнил, что Япония собирается капитулировать в результате объединенных усилий всех союзников, а затем сказал: «Пора подписывать соглашение». Сун Цзывэнь согласился, что наступило время подписывать советско-китайские документы, подтвердил, что «китайская сторона стремится к этому, и хотела бы подписать договор и соглашения к нему до капитуляции Японии, ибо в этом случае эти соглашения было бы легче представить и объяснить китайскому народу». К 13 августа несогласованные ранее позиции о гражданской администрации в Порт-Артуре; смешанной советско-китайской комиссии; совместной советско-китайской собственности на сооружение и оборудование порта Дальний; об управлении КВЖД и ЮМЖД; о таможенном досмотре товаров, следующих по КВЖД и ЮМЖД из СССР и обратно; о механизме назначения начальника порта Дальний, были окончательно сняты в присутствии И. В. Сталина.

14 августа утром делегации обсудили название объединенной железнодорожной магистрали (КВЖД и ЮМЖД). Советская сторона сняла свое предложение (Северо-Восточная ж.д.). Было принято предложение китайской делегации — Китайско-Чаньчунская ж.д. По вопросу о МНР китайская делегация предложила отложить публикацию соответствующего документа до ратификации в Китае пакета документов — Договора и соглашений к нему. Западные аналитики отмечали, что китайская делегация поторопилась с завершением переговоров под влиянием военно-политической обстановки после вступления СССР в войну. Капитуляция Японии была предопределена.

Подписывая договор с национальным китайским правительством, советское руководство подтвердило курс на невмешательство во внутренние китайские дела, но предостерегло против развязывания вооруженного конфликта ГМД-КПК. 14 августа 1945 г. состоялось подписание договора и всех прилагающихся к нему документов. С советской стороны Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем подписал В. М. Молотов, министр иностранных дел

и 1-й заместитель И. В. Сталина по СНК, с китайской стороны — министр иностранных дел Ван Шицзэ.

Согласно первой статье договора, обе стороны обязались довести войну до победного конца и сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией. Состоялся обмен нотами между СССР и Китаем о суверенитете Китая над Маньчжурией, Синьцзяном, о независимости МНР. Основные железнодорожные магистрали в Маньчжурии по соглашениям объявлялись общей собственностью сторон и должны были эксплуатироваться совместно. Предусматривалось также совместное использование Порт-Артура в качестве военно-морской базы, порт Дальний объявлялся открытым портом с выделением для СССР в аренду складских помещений и пристаней. Отдельным соглашением определялись отношения между советским главнокомандующим и китайской администрацией Маньчжурии после вступления советских войск на территорию Китая в связи с совместной войной против Японии.

2 сентября 1945 г. на американском военном корабле «Миссури» в Токийском заливе представитель Японии официально подписал акт о безоговорочной капитуляции перед правительствами Китая, США, Англии и СССР. Неделю спустя, 9 сентября в Нанкине Главнокомандующий японской армией в Китае подписал акт о капитуляции перед китайским правительством. Таким образом, советско-китайский договор был подписан почти одновременно с заявлением японского правительства о капитуляции.

Подписывая договор, правительства СССР и Китая были заинтересованы в дальнейшем развитии отношений между странами на международно-правовой основе. Договор соответствовал национально-государственным интересам СССР, ибо укреплял стратегические позиции Советского Союза на Дальнем Востоке. Договор соответствовал национально-государственным интересам Китая, так как он находился в русле внешнеполитической стратегии Китая, фиксируя незыблемость китайских границ в таких пограничных с СССР провинциях Китая, как северо-восточные провинции и Синьцзян, решимость сторон строить отношения на принципе дружбы и взаимопонимания.

В Чунцине 24 августа 1945 г. состоялось заседание Законодательного юаня. Доктор Сунь Фо, председатель Законодательного юаня, представил подписанные советско-китайские документы на обсуждение. После выступления министра иностранных дел Китая Сунь Фо подчеркнул, что договор открывает путь, по которому должны пойти другие страны, ибо он закладывает фундамент новой эры дружбы между странами. После двухчасовых дебатов Договор о дружбе и союзе, предварительно одобренный Высшим Национальным Советом Обороны, был единогласно одобрен Законодательным юанем. На заседании упомянутого Совета и ЦИК ГМД Чан Кайши, дав высокую оценку договору, сказал: «Восстановление

территориальной и административной целостности Китая в трех восточных провинциях, освобождение Формозы и Пескадорских островов, восстановление независимости Кореи являются важнейшими целями революции, и они реализованы». Относительно Внешней Монголии Чан Кайши подчеркнул, что она фактически стала независимым государством в годы существования пекинского правительства, ныне мы должны в договорно-правовом порядке гарантировать независимость этой братской нам стране⁵⁶.

25 августа 1945 г. китайское правительство ратифицировало договор и соглашения к нему⁵⁷. Советское правительство также ратифицировало договор в тот же день, 25 августа. Государственные и общественные деятели ряда стран приветствовали советско-китайский договор. Сунь Фо говорил, что «величайшее значение договора в гарантии прочного мира на Дальнем Востоке, в готовности совместно отражать агрессию»⁵⁸.

Перед Китаем стояли важные проблемы упрочения китайской республиканской государственности, отвечающей нормам и духу мировой цивилизации середины XX века. Важным шагом на этом пути могли стать выработка политических механизмов преодоления ситуации «одна страна — две армии и две администрации». Советско-китайский договор по всем параметрам отвечал интересам укрепления китайской государственности, подтвердил суверенитет Китая над пограничной с СССР территорией страны — над Маньчжурией и Синьцзяном, СССР гарантировал невмешательство во внутренние дела, открывал для страны возможность реализовать планы реконструкции народного хозяйства, индустриализации, превращения в подлинно великую державу.

Таким образом, договор был предназначен для укрепления позиций Китая на международной арене как влиятельной державы. Это было реально, но только в случае взаимодействия великих держав, союзников по второй мировой войне.

Заключение

Китай в годы войны оказался в трудном положении. С одной стороны, он находился под прессом растущей японской агрессии, а с другой, внутри страны имел, фактически, две политические структуры и две партии — официальную, правящую — Гоминьдан и противостоящую ему — КПК. Скрытая борьба этих партий во многом определяла внутреннюю политическую обстановку и перспективы борьбы с Японией в рамках созданного при поддержке СССР и Коминтерна в 1937 г. единого фронта. СССР не выступал за раскол Китая и не сталкивал КПК и Гоминьдан между собой в период Второй мировой войны, что пытаются доказать некоторые российские и западные историки. Подобные фальсификации связаны с мифом о желании СССР использовать японо-китайскую войну для неких классовых целей и революционизации Китая. Позиция советского руководства нашла свое отра-

жение в советско-китайском Договоре, подписанном в Москве 14 августа 1945 г. СССР был за единый и неделимый Китай.

Официальным партнером СССР в Китае в годы войны было национальное правительство — Гоминьдан. Одновременно, как свидетельствуют документы, в период деятельности Коминтерна и после его роспуска советское руководство и ВКП (б) являлись гарантом существования КПК в рамках единого национального антияпонского фронта. Причем, советское руководство добивалось, чтобы правительство Чан Кайши не обостряло отношения с руководством КПК. Документы свидетельствуют, что поддержка Советским Союзом дела единства в Китае помогла ки-

тайскому народу сохранить страну в общем фронте союзных держав во Второй мировой войне, определило успехи Китая в системе международных отношений.

СССР и Китай были союзниками во Второй мировой войне. Но СССР до августа 1945 г. оставался невоюющим на Дальнем Востоке союзником Китая, а Китай являлся невоюющим союзником СССР на Западе. Эта ситуация создавала некоторые сложности в советско-китайских отношениях, особенно в начальный период 1941–1942 гг. После вступления Советского Союза в войну против Японии ситуация полностью нормализовалась. Разгром империалистической Японии стал последним трагическим актом Второй мировой войны.

- ¹ Архив Внешней Политики РФ (далее: АВПР), ф. 06, 1941, оп. 3, п. 28, д. 381, л. 1
- ² Советско-китайские отношения. Сборник документов. М., (далее:СКО). Т.5. Док. №410
- ³ Там же, Т. 4, док. №443
- ⁴ Там же, док. №338
- ⁵ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. — С. 500–501
- ⁶ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. — С. 500–501
- ⁷ АВП РФ, ф. 01000, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 95–99
- ⁸ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. — С. 500–501
- ⁹ China White Papers. — P. 57
- ¹⁰ СКО. Т. 4. — Док. №482
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 01000, оп. 25.
- ¹² АВП РФ, ф. 0100, оп. 35, д. 11, п. 237, л. 34–38
- ¹³ АВП РФ, ф. 01000, оп. 25.
- ¹⁴ АВП РФ, ф. 01000, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 37–41
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ АВП РФ, ф. 01000, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 37–41
- ¹⁷ АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 204, д. 11, л. 42
- ¹⁸ Цит. по кн.: Новейшая история Китая... С. 206
- ¹⁹ Архив Российского Комитета ветеранов войны. Китайская секция. Д. 12, л. 24–27
- ²⁰ Deane I. The Strange Alliance/ N-Y., 1947. — P. 226
- ²¹ АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 204, д. 9, л. 6–11
- ²² АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 204, д. 9, л. 6–11
- ²³ С. Л. Тихвинский. Путь Китая к свободе и независимости... С.361
- ²⁴ СКО. Т. 4. — Док., с. 516
- ²⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 231–233
- ²⁶ Новейшая история Китая. Т. 2. М., 1984. — С. 230–235, 239
- ²⁷ Там же. — С. 234
- ²⁸ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 24–25
- ²⁹ Там же, л. 42.
- ³⁰ АВП РФ, ф. 0100, оп. 35, д. 11, п. 237, л. 34–38
- ³¹ Дэн Лицюань. Одна страница китайско-советских отношений. До и после мирного освобождения Синьцзяна // Цзиньдайши яньцзю. — 1989. — №5–6
- ³² АВП РФ, ф. 0100, оп. 35, д. 11, п. 237, л. 34–38
- ³³ Владимиров П. П. Особый район Китая. 1942–1945 гг. М., 1973. — С. 252
- ³⁴ Там же ...С. 287
- ³⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 31–35
- ³⁶ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 38–40
- ³⁷ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 38–40
- ³⁸ Цит. по: Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945гг. Т. 2. М., 1976. С. 160

- ³⁹ Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1976. — С. 352; см также: Проблемы Дальнего Востока, 1995, № 2, с. 62
- ⁴⁰ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 29–30
- ⁴¹ см.: С. Л. Тихвинский. Путь Китая к свободе... — С. 360–361
- ⁴² АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 3, п. 243, л. 1
- ⁴³ Крымская конференция руководителей трех союзных держав. Сборник документов. М., 1979.
- ⁴⁴ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 31–35
- ⁴⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33.
- ⁴⁶ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 99–103, ф. 06, оп. 7
- ⁴⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, л. 159
- ⁴⁸ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 12, п. 244, л. 199–201
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ СКО, т. 4, док. № 667
- ⁵² АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 12, п. 244, л. 199–201
- ⁵³ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 12, п. 244, л. 199–201
- ⁵⁴ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 33. Д. 12. П. 244. Л. 199–200.
- ⁵⁵ Brznes J. All in one Lifetime. № 4. 1958. P. 291; ПДВ. 1995. № 5. С. 64.
- ⁵⁶ John W. Garver. China's Warmaritime Diplomacy // China's Bitter Victory. The war with Japan. 1937–1945. — Aug. 30, 1945. P. 26.
- ⁵⁷ Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время великой отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. — С. 243
- ⁵⁸ Central New Agency. Washington, Aug. 27. 1945.